

Влада Ночь Вера Добрая

ВКУС ТВОЕГО СТРАХА

18+

Вера Добрая Влада Ночь Вкус твоего страха

<https://litres.ru/74162219>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эдриан Морро — вампир-эмпат, питающийся человеческими эмоциями. За два столетия он ни разу не нарушал главное правило: не пить клиентов. Но Лиса Ветрова — особый случай. Её страх пахнет тёмным шоколадом и дымом, и с каждым сеансом Эдриан всё глубже погружается в зависимость, из которой нет выхода.

Потому что Лиса не просто пациентка, а нексус, редчайший медиум, впитывающий чужие смерти. Её дар может стать оружием в руках вампирского клана или убить её саму. И единственный, кто способен её защитить, — тот, кто сам представляет для неё самую большую опасность.

Эта история о любви, которая длится двести лет. О страхе, который становится зависимостью. И о сложном выборе между жизнью и бессмертием.

Содержание

Глава 1. Первый сеанс	4
Глава 2. Запретный аромат	19
Глава 3. Голод	32
Глава 4. След	42
Глава 5. Приглашение	53
Глава 6. Прикосновение	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Влада Ночь, Вера Добрая

Вкус твоего страха

Глава 1. Первый сеанс

Прежде чем встретить любовь, нужно перестать быть мёртвым, а чтобы исцелиться, нужно заглянуть в самую тёмную часть себя

Лиса

Лифт дёрнулся и замер.

Я застыла, вжавшись спиной в холодную зеркальную стену, и принялась считать. Раз, два, три — вдох. Четыре, пять, шесть — выдох. Семь, восемь, девять — не думать о том, что кабина висит между этажами, а над головой бетонная шахта в четырнадцать этажей. Десять. Одиннадцать. Двенадцать...

Лифт дёрнулся снова и пополз вверх.

Я выдохнула и разжала пальцы, мёртвой хваткой вцепившиеся в ремешок сумки. На ладони остались красные полосы — следы ногтей. Обычное утро вторника, обычная поездка в центр, а сердце колотилось так, словно я только что пробежала десять лестничных пролётов, спасаясь от кого-то

невидимого. Или от чего-то, что не имело названия и не имело лица, но приходило каждую ночь — чёрной водой, смыкающейся над головой, и чужим ужасом, который не принадлежал мне, но почему-то жил во мне, пускал корни, ширился, занимал всё пространство, какое только мог найти.

Двери разъехались. Я вышла в коридор, стараясь не смотреть на своё отражение в зеркальной панели — знала, что увижу: бледное лицо, расширенные зрачки, прикушенную до крови губу. За год я успела изучить все стадии собственной паники лучше, чем иной студент-медик изучает симптомы профильной болезни. Только легче от этого не становилось.

Коридор был длинным, устланным серым ковровым покрытием, рядом одинаковых дверей по обе стороны. Пахло чем-то неуловимо медицинским — не лекарствами, скорее антисептиком для рук и бумагой, — но без больничной стерильности. Скорее дорогой стоматологией. Или частной клиникой, где лечат то, что не принято показывать окружающим.

Я сверилась с адресом в телефоне — всё верно. Бизнес-центр «Мойка-плаза», пятый этаж, кабинет пятьсот двенадцать. Эдриан Моррб. Психотерапевт.

Имя я выговаривала про себя уже раз десять с того момента, как Яна скинула мне ссылку на его сайт. Эд-ри-ан. Красивое, редкое, какое-то старомодное.

На сайте было сказано, что он специализируется на тревожных расстройствах и панических атаках, имеет два высших образования и пятнадцатилетний стаж. Фотографии не

было — только лаконичный текст на тёмном фоне и контактный номер.

Яна сказала, что он лучший в городе. «Правда, дорогой, — добавила она, поджав губы, — но тебе сейчас не до экономики, Лис, ты себя со стороны не видишь. Ты таешь».

Яна вообще любила драматизировать, но в этот раз, кажется, была права. За последний месяц я похудела на четыре килограмма, не высыпалась ни одной ночи и дважды вызывала скорую, потому что мне казалось, что сердце сейчас остановится. Оба раза кардиограмма была идеальной. Врач в приёмном покое посоветовал попить пустырник и меньше нервничать. Я швырнула рецепт в урну, не отходя от окошка регистратуры.

Я остановилась перед дверью с номером 512. Табличка — чёрная, с золотыми буквами: «Эдриан Морро. Психотерапевт-консультант». Ниже, более мелким шрифтом: «Приём по записи». Никаких регалий, никакого «кандидат наук» или «член ассоциации». Только имя и суть, что было странно. Обычно психотерапевты любят увешивать двери дипломами, как генералы — мундиры орденами.

Я помедлила, прислушиваясь к себе. Сердце всё ещё частило, но уже не так отчаянно. Вдох, выдох. Ничего страшного. Я просто иду к врачу. Обычному врачу, который лечит обычную болезнь. То, что эту болезнь не видно на рентгене, ничего не меняет. Паническое расстройство — такой же диагноз, как гастрит или мигрень. Я повторяла это себе каждое

утро перед зеркалом, но пока что без особого успеха.

Я нажала на ручку. Дверь открылась легко, без скрипа — видимо, петли смазывали, и это было первым звоночком, который я пропустила мимо ушей.

Приёмная оказалась небольшой, но светлой. Мягкий диван вдоль стены, стеклянный журнальный столик с аккуратной стопкой журналов — не медицинских, а что-то про дизайн и архитектуру.

На стене — картина в серо-голубых тонах, абстракция, похожая на дождь. Или на слёзы. У окна — стойка с компьютером, за которой сидела секретарша — женщина лет пятидесяти в строгом сером костюме, с идеально уложенными волосами цвета соли с перцем. Она подняла на меня спокойные, ничего не выражающие глаза.

— Ветрова? — спросила она, не дожидаясь моего приветствия, и голос у неё был под стать внешности: сухой, деловой, без намёка на улыбку.

— Да, — сказала я, чувствуя, как пересохло горло. — На десять утра.

— Доктор Морро вас ждёт. Проходите. — Секретарша указала на дверь слева от стойки, обитую тёмной кожей. — Он в кабинете.

Я кивнула, сделала шаг вперёд и вдруг остановилась, поймав себя на странном ощущении: мне показалось, что воздух вокруг двери чуть холоднее, чем во всей приёмной. Словно за ней был сквозняк или что-то другое, о чем я точно не хо-

тела думать. Я встряхнула головой, отгоняя дурацкую мысль, и толкнула дверь.

Кабинет оказался совсем не таким, как я ожидала.

Никакой кушетки и фрейдистского антуража. Большое панорамное окно, выходящее на канал, мягкий утренний свет, приглушённый полупрозрачными шторами. Вдоль стены расположились книжные стеллажи до потолка, уставленные томами в тёмных переплётах.

Письменный стол у окна — массивный, деревянный, с бронзовой лампой под старину. Два кресла друг напротив друга, разделённые низким чайным столиком, на котором не было ничего кроме коробки бумажных салфеток и графина с водой.

В воздухе витал странный запах: пряный, древесный, с нотками чего-то сладковатого, почти неуловимого. Сандал... Или что-то похожее. Запах, от которого почему-то хотелось закрыть глаза и сделать глубокий вдох.

И посреди всего этого стоял он.

Мужчина, которого я ожидала увидеть совсем другим. В моём воображении психотерапевт с пятнадцатилетним стажем был кем-то вроде пожилого профессора в очках и твидовом пиджаке. Этот же выглядел лет на тридцать два, может, тридцать четыре.

Высокий, выше меня на голову, с широкими плечами и узкими бёдрами — фигура, которую я скорее ожидала бы увидеть на подиуме или в балетном зале, но никак не в каби-

нете врача. Светло-русые волосы, зачёсанные назад, открывали высокий лоб с чёткими линиями скул. Одна прядь выбивалась и падала на лоб — он не поправлял её, словно не замечал.

Одет он был просто: светлая рубашка с закатанными до локтей рукавами, тёмные брюки, никакого галстука. На запястье — часы с кожаным ремешком. Ничего броского, ничего дорогого напоказ. Но при этом весь его облик дышал какой-то неуловимой породой, которую не купишь в ателье и не воспитаешь за одно поколение.

А лицо... Лицо было странным. Красивым, безусловно, красивым, до той грани, где красота уже кажется неестественной, но странным. Черты были резкими, почти хищными: высокие скулы, твёрдая линия челюсти, прямой нос с едва заметной горбинкой. Рот чётко очерченный, сжатый в вежливую полуулыбку, которая не затрагивала светло-серых глаз.

И когда этот мужчина посмотрел на меня — прямо, спокойно, без того оценивающего прищура, с каким обычно смотрят врачи на нового пациента, — мне вдруг стало не по себе. Не потому, что в его взгляде было что-то угрожающее. Наоборот. В нём не было ничего. Совсем. Так смотрят старые портреты в музеях — вроде бы на тебя, а вроде бы сквозь, в какую-то свою, давно ушедшую реальность.

— Доброе утро, — сказал он, и голос у него оказался низким, обволакивающим, с лёгкой вибрацией, от которой у ме-

ня почему-то побежали мурашки по предплечьям. — Лиса Ветрова, верно?

— Просто Лиса, — поправила, стараясь, чтобы мой голос звучал увереннее, чем я себя чувствовала. — Можно без отчества, я не настолько взрослая.

Доктор Морро чуть приподнял бровь — движение было мимолётным, но я его заметила и почему-то покраснела, как школьница, ляпнувшая глупость на уроке.

— Лиса, — повторил он, словно пробуя моё имя на вкус. — Редкое имя. Садитесь, пожалуйста. — Он указал на кресло. — Чувствуйте себя свободно. Это не допрос и не экзамен. Я здесь, чтобы слушать.

Я села в кресло, поставила сумку на пол у ног и сцепила пальцы на коленях. Кресло оказалось удобным, но не слишком мягким — ровно такое, чтобы не хотелось развалиться.

Доктор опустился в кресло напротив, не сводя с меня глаз, и я снова поймала это странное ощущение, которое появилось ещё в приёмной перед дверью: воздух вокруг него был холоднее. Ненамного, на какой-то градус, но моя кожа это чувствовала. Может быть, кондиционер или сквозняк от окна.

— Прежде чем мы начнём, — сказал он, — я хочу сразу обозначить формат нашей работы. То, что происходит в этом кабинете, не похоже на обычную беседу с врачом. Я не буду ставить вам диагнозы в привычном смысле слова. Не буду выписывать таблетки. Моя задача помочь вам найти

источник вашего страха и понять, что с ним делать. Иногда для этого нужно просто разговаривать. Иногда делать определённые упражнения. Иногда возвращаться в прошлое, даже если это неприятно. Всё, что вы скажете здесь, останется между нами. Вы можете встать и уйти в любой момент. Так же вы можете отказаться отвечать на любой мой вопрос. Вам всё понятно?

Я кивнула. Его голос действовал на меня странно: он успокаивал, но не усыплял, а словно окутывал, как тёплый плед, и при этом в нём была какая-то скрытая вибрация, которую я чувствовала не столько слухом, сколько чем-то другим. Кожей, возможно. Или, может, тем самым непонятным даром, о котором я никогда никому не рассказывала.

— Тогда начнём с простого, — продолжил Эдриан, чуть откидываясь в кресле. — Расскажите, что привело вас ко мне. Не то, что написано в направлении от невролога, а то, что чувствуете вы сами. Своими словами.

Я набрала в легкие побольше воздуха, собираясь ответить что-то заранее заготовленное — про панические атаки, про метро, про скорые по ночам, — но вдруг осеклась, потому что в этот самый момент поймала его взгляд и поняла: он не слушает, а смотрит. Не на моё лицо, не на мою одежду, не на то, как я нервно тереблю ремешок сумки. Он смотрит куда-то глубже, туда, куда обычно никто не заглядывает. И от этого взгляда все заготовленные слова вылетели у меня из головы, оставив только правду. Голую, неудобную, давно

запрятанную правду.

— Мне страшно, — тихо произнесла я, и мой голос дрогнул. — Всё время страшно. Даже когда ничего не происходит. Или когда я дома, в безопасности, в своей постели, под одеялом. Я просыпаюсь ночью от того, что не могу дышать. Мне снится один и тот же сон о том, будто я тону в чёрной воде, и вокруг меня лица, мёртвые лица, и они смотрят, и я знаю, что это не мои лица, не мои смерти, но они... они внутри меня. И я не могу их вытащить.

Я замолчала, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. Нет, только не это. Я ненавидела плакать при чужих людях. А он был чужим — посторонним, незнакомым мужчиной, которому я просто заплатила деньги за то, чтобы он меня выслушал. Но слёзы уже стояли в горле, и я замолчала, чтобы не сорваться.

Эдриан не отвёл взгляд. Не полез за салфетками и не забормотал дежурных утешений. Он просто сидел и смотрел на меня, и в его серебряных глазах появилось что-то новое — не сочувствие, нет, скорее интерес. Глубокий, острый, почти голодный интерес, который промелькнул и исчез так быстро, что я списала его на игру света.

— Чёрная вода, — повторил он задумчиво. — И лица. Вы видите их отчётливо?

— Нет, — покачала я головой. — Они размытые. Как будто под водой, но я знаю, что они мёртвые. Я чувствую это.

— Что именно вы чувствуете?

— Их... страх. Боль. Ужас. Как будто я сама умираю вместе с ними, только не своей смертью, а чужой. Как будто я впитываю всё это, как губка, а потом ношу в себе и не могу избавиться.

Он помолчал, и я снова заметила эту странность: жилка на его виске запульсировала, а зрачки, кажется, стали чуть шире. Или мне показалось, ведь свет в кабинете был мягким, а шторы — полупрозрачными, но в этот момент мне вдруг почудилось, что его глаза потемнели. Совсем чуть-чуть, на какую-то долю секунды.

— А давно это началось? — спросил он ровным, бесстрастным голосом врача. — Сны, страхи, ощущение чужих эмоций?

— Год назад. Может, чуть больше. Но раньше было слабее, а теперь... — я замялась, подбирая слова. — Теперь мне кажется, что я схожу с ума.

— Вы не сходите с ума, — сказал он, и в его голосе прозвучала такая уверенность, что я почти поверила. — Ваш разум в полном порядке. Проблема не в нём.

— А в чём?

Морро не ответил сразу. Вместо этого чуть наклонился вперёд, и я снова ощутила этот запах — сандал, что-то ещё, что-то неуловимо пряное и холодное одновременно.

— Давайте попробуем небольшое упражнение, — вместо ответа предложил мужчина. — Закройте глаза.

Я заколебалась. Закрывать глаза перед незнакомым чело-

веком, пусть даже врачом, мне совсем не хотелось. Но что-то в его голосе или в этом запахе, или в самом воздухе кабинета заставило меня подчиниться. Я закрыла глаза и откинулась на спинку кресла.

— Теперь представьте себе этот сон, — проговорил он. — Чёрную воду. Только на этот раз вы не тонете. Вы стоите на берегу и смотрите на неё. Получается?

Я попыталась. Обычно, когда я пыталась думать о сне, меня тут же накрывало паникой — сердце начинало колотиться, ладони потели, дыхание сбивалось. Но сейчас, в этом кресле, под этот голос, всё было иначе. Я действительно увидела берег. Чёрная вода была спокойной, почти зеркальной. Никаких лиц, никакого ужаса. Только вода и смутная мужская фигура на противоположном берегу.

— Получается, — прошептала я. — Там кто-то есть.

— Кто?

— Мужчина. Я не вижу лица. Он стоит на том берегу.

— Он пугает вас?

Я прислушалась к себе. Странно, но — нет.

— Нет. Он... ждёт.

В кабинете повисла тишина, и я вдруг поняла, что страх, который душил меня всё утро, который сжимал горло в лифте и охлаждал пальцы на подходе к бизнес-центру, исчез. Со всем. Как будто кто-то открыл клапан и спустил давление. Я чувствовала себя лёгкой, пустой, почти невесомой. Такого не было уже много месяцев.

— Открывайте глаза, — сказал доктор, и я подчинилась.

Эдриан Морро сидел напротив и смотрел на меня, но что-то в нём изменилось. Я не сразу поняла, что именно. А когда поняла, внутри у меня всё похолодело.

Он был бледен. Не просто бледен, а бел, как полотно. На лбу выступила испарина, жилка на виске пульсировала часто-часто, а зрачки — теперь я видела это отчётливо — заполнили почти всю радужку, оставив лишь тонкий серый ободок. Мужчина смотрел на меня так, словно я была не пациенткой, а чем-то совершенно иным. Чем-то, чего он давно ждал и боялся одновременно.

— Что вы сделали? — спросила я, и мой голос прозвучал резче, чем мне хотелось. — Со мной что-то сделали? Мне стало легче. Как?

Он моргнул, и наваждение исчезло. Лицо разгладилось, зрачки сузились до нормального размера, лёгкая полуулыбка вернулась на губы. Только бледность никуда не делась, и жилка на виске всё ещё пульсировала.

— Ничего особенного, — ответил Эдриан, и голос его был всё тем же — спокойным, обволакивающим, профессиональным. — Простая релаксационная техника. Вы хорошо поддаётесь.

— Но я чувствую...

— Лёгкость? — перебил он. — Это нормально. Так бывает после первого сеанса. Организм реагирует на расслабление.

Я прищурилась. Что-то здесь было не так. Я не знала что, но чувствовала это — тем самым непонятным чутьём, которое никогда меня не обманывало. Доктор Морро что-то скрывал. Что-то важное.

— На сегодня достаточно, — произнес он, поднимаясь с кресла, и движения у него были плавными, текучими — так двигаются танцоры или хищники. — Я запишу вас на следующий приём. Вы свободны в пятницу?

— Да, — пробормотала я растерянно. — В пятницу я свободна.

— Отлично. Секретарь согласует с вами время.

Мужчина протянул мне руку для прощания, и я машинально её пожала. Его ладонь оказалась сухой и прохладной. Очень прохладной, почти холодной, как у человека, который только что зашёл с мороза. Хотя за окном был ноябрь, в кабинете было тепло. Даже слишком тепло для ноября.

Я вышла из кабинета, чувствуя себя странно. Лёгкость никуда не делась, мне действительно было лучше, намного лучше, чем утром. Но вместе с облегчением внутри поселилась смутная тревога. Не та паника, что накатывала в метро, а другая — тихая, холодная, похожая на предчувствие.

В приёмной секретарша записала меня на пятницу, на десять утра. Я кивнула, взяла карточку с подтверждением и направилась к лифту. Уже в коридоре, дожидаясь, пока зажжётся кнопка вызова, я вдруг остановилась. В памяти всплыла одна деталь, которую я вначале пропустила мимо

сознания, но которая теперь всплыла и засела занозой.

В кабинете, у двери, висело большое зеркало в тёмной раме.

И когда Эдриан Морро провожал меня до выхода, он прошёл мимо него.

Я вспомнила это отчётливо: он прошёл мимо зеркала, и в зеркале никого не было. Только я — бледная, с прикушенной губой и всё ещё влажными от непролитых слёз глазами. И пустота рядом со мной. Никакого отражения. Никакого доктора Морро.

Лифт пришёл, двери разъехались, и я шагнула внутрь. Только когда кабина тронулась и поползла вниз, я сказала себе: показалось. Освещение. Угол. Игра света. У меня был тяжёлый приступ паники утром, я не выспалась, я перенервничала, поэтому неудивительно, что мерещится всякое.

Но когда я вышла на улицу, под серое ноябрьское небо, и вдохнула холодный воздух, от которого запершило в горле, я поймала себя на том, что уже жду пятницы.

И дело было не только в том, что мне впервые за долгое время стало легче. Дело было в нём. В этом странном человеке с серебряными глазами и холодными руками. В его голосе, который окутывал, как тёплый плед. В его запахе — сандал и что-то ещё. В том, как он смотрел на меня, когда думал, что я не вижу.

Я хотела снова его увидеть.

И это пугало меня сильнее, чем все панические атаки вме-

сте взятые.

Глава 2. Запретный аромат

*Есть вещи, от которых невозможно
отказаться, даже зная, чем это кончится*

Эдриан

Я закрыл дверь за её спиной и замер, прижав ладонь к деревянной панели. Пальцы подрагивали. Я смотрел на них как на что-то чужеродное, потому что мои пальцы не дрожали уже множество лет, с тех пор как я перестал быть человеком, а человеческие слабости, одна за другой, отпали, точно сухие листья с осеннего дерева. И вот теперь они дрожали.

За дверью стихали её шаги — быстрые, лёгкие, чуть неровные, как у человека, который только что пережил сильное потрясение и ещё не решил, радоваться ему или пугаться.

Я слышал, как она прошла через приёмную, как тихо звякнул колокольчик на стойке секретаря, как щёлкнула входная дверь. И только когда лифт в конце коридора издал свой механический вздох и пополз вниз, я позволил себе оторвать ладонь от двери и выпрямиться.

В кабинете всё ещё стоял её запах.

Нет, не запах — аромат. Духи, которыми она пользова-

лась, были простыми, едва уловимыми: ваниль, мускус, что-то цветочное, возможно, пион. Но поверх этого, перекрывая и духовитую композицию, и запах уличного ноябрия, и даже мой собственный сандал, витал тот самый, неповторимый, невозможный аромат, от которого у меня до сих пор кружилась голова. Эмоциональное поле...

Я отошёл от двери и медленно, стараясь не делать резких движений, вернулся к своему креслу. Опустился в него, откинулся на спинку, закрыл глаза. И вдохнул — глубоко, полной грудью, хотя лёгкие мои не нуждались в кислороде уже второе столетие.

Тёмный шоколад, дым и ночная фиалка...

Я знал этот аромат. Знал двести лет назад, когда у него ещё не было названия, по крайней мере, такого, которое можно было бы отыскать в человеческих классификациях. Тогда я называл его иначе. Тогда я называл его Катрин.

Но Катрин умерла до того, как я стал тем, чем стал. Умерла по моей вине — это я помнил смутно, обрывочно, как помнят сон через минуту после пробуждения: знаешь, что он был, чувствуешь его отголосок в груди, но деталей не восстановить. Только это лицо, которое стёрлось из памяти на двести лет и вдруг проступило сегодня, как проступает на старой фотографии изображение, проявленное заново.

Лиса Ветрова. Двадцать шесть лет. Панические атаки. Направлена неврологом.

Я открыл глаза и посмотрел на графин с водой, стоявший

на столике между креслами. Вода была спокойной, поверхность гладкой как зеркало. Хороший графин, дорогой, из богемского стекла. Я купил его лет сорок назад на аукционе в Вене и с тех пор не менял, потому что вещи, которые служат долго, становятся чем-то вроде молчаливых свидетелей. Этот графин видел сотни пациентов. Видел их слёзы, их признания, их прозрения. Но сегодня он видел то, чего не видел никогда.

Сегодня он видел, как я потерял контроль.

Я ведь едва не сорвался. Едва не сделал то, чего не делал с тех пор, как Камилла вбила в меня железное правило: никогда не пить клиентов.

Правило было простым и жестоким, как всё, чему учила Камилла: если пьёшь клиента, привязываешься; если привязываешься, теряешь бдительность; если теряешь бдительность, умираешь. Не от голода, а от тоски, которая для нашего брата страшнее серебра и осинового кола.

И всё же сегодня, когда она сидела передо мной и рассказывала о чёрной воде, о лицах под поверхностью, о мёртвых, чей страх она впитывает, точно губка, я чувствовал, как клыки сами собой удлиняются, задевая внутреннюю сторону губы.

Чувствовал, как зрачки расширяются, заливая радужку чернотой, и как горло сжимается в спазме — не от жажды, нет. От древнего, первичного, неутолимого голода, который я научился контролировать столетия назад и который сего-

дня, за какие-то двадцать минут в присутствии этой рыжеволосой девчонки, разорвал все сдерживающие оковы и заявил о себе в полный голос.

Её поле было... невозможным. Другого слова я подобрать не мог, а я знал много слов — за двести лет поневоле становишься филологом.

Невозможным, потому что обычный человек, даже самый эмоциональный, даже самый травмированный, не пахнет так. Страх пахнет кислым, гнев — горьким, печаль — пресным, как стоячая вода. А её страх пах тёмным шоколадом и дымом. В нём была глубина, которой не могло быть у простого невротика с паническими атаками.

В нём были слои — десятки, может быть, сотни слоёв, наложенных друг на друга, как годовичные кольца на спиле старого дуба. Я чувствовал в её поле чужие смерти. Не одну, не две — десятки. Мужчины, женщины, молодые, старые — все они оставили свой предсмертный ужас в этой хрупкой рыжеволосой девушке, которая, возможно, даже не подозревала, что носит в себе целое кладбище.

Нексус. Бессознательный нексус.

Я знал это слово из старых книг, которые Камилла заставляла меня читать в первое десятилетие после обращения. Нексус — человек, способный впитывать эмоции смерти. Редчайший дар, встречающийся раз в столетие. И проклятие, потому что нексусы не живут долго: их дар пожирает их изнутри, если не находится тот, кто умеет его обуздать.

Или тот, кто умеет его пить.

Я поднялся с кресла, подошёл к окну и прижался лбом к холодному стеклу. Внизу, по набережной канала, спешили прохожие, подняв воротники против ноябрьского ветра. Обычные люди. Обычные жизни. Обычные смерти — одна на брата, без остатка, без посмертного эха. Им невдомёк, что этажи выше находится тот, кто мог бы выпить их страх, как воду из графина, и даже не заметить.

А вот её страх я заметил. Её страх я не смог бы не заметить, даже если бы захотел.

Я отошёл от окна, подошёл к столу и взял папку, которую утром положила передо мной секретарша. Лиса Ветрова. Анкета, направление от невролога, результаты анализов — всё как у обычного пациента. Ничего, что указывало бы на её истинную природу. Да и откуда? Человеческая медицина не знает слова «нексус». Человеческая медицина вообще многого не знает.

Я закрыл папку и отложил в сторону. Потом взял телефон и набрал номер секретаря.

— Ирма, — сказал я, когда она сняла трубку. — Пациентка Ветрова. Я перенёс её следующий приём на среду. Да, на среду. В то же время. Нет, пятница отменяется. Просто перенесите, пожалуйста.

Я положил трубку и уставился на телефон так, словно тот превратился в змею.

Что я делаю?

Я должен был отказаться от неё. Должен был передать коллеге — любому из дюжины знакомых психотерапевтов, которые понятия не имели о вампирах, но отлично справлялись с паническими атаками.

Должен был вычеркнуть её имя из своего расписания и забыть, как я забывал сотни других пациентов, чьи эмоции были недостаточно яркими, чтобы вызвать у меня хоть искру интереса.

Вместо этого я перенёс её приём на день раньше.

Я закрыл глаза и сделал то, чего не делал уже очень, очень давно: попытался вспомнить лицо Катрин. Не обрывок видения, которое мелькнуло сегодня, когда наши руки соприкоснулись, а настоящее лицо, живое, из плоти и крови, такое, каким оно было до выстрела, до крови на снегу, до всего. И не смог. Там, где раньше зиял провал, теперь маячило что-то смутное, размытое, словно отражение в тёмной воде.

В чёрной воде. Той самой, которая снилась Лисе.

Я открыл глаза и посмотрел на своё отражение в оконном стекле. Из зеркала на меня никто не смотрел — зеркала меня не отражали, и это было первое, к чему я привык после обращения. Но в тёмном стекле, на фоне ноябрьского неба, я видел свой силуэт: высокий, сухощавый, с размытыми чертами. Человек, который давно не человек. Вампир, который поклялся не пить клиентов. Психотерапевт, который лечит людей от страха, питаясь им же.

Я усмехнулся своему невидимому отражению и покачал

головой.

Что ж, правило есть правило. Я не буду пить её эмоции — по крайней мере, не так, как пью у обычных людей. Я буду делать свою работу, и помогу ей справиться с паническими атаками.

Я выясню природу её дара и, если получится, научу её контролировать его настолько, насколько это вообще возможно для нексуса. А потом... А потом передам её кому-нибудь из Совета. Или Камилле — она, с её многовековым опытом, точно знает, что делать с такими, как Лиса.

Я кивнул сам себе, убеждённый этим стройным, разумным, абсолютно логичным планом, и уже почти поверил в него, когда заметил, что мои пальцы всё ещё дрожат.

День тянулся бесконечно. Пациенты сменяли друг друга с обычной предсказуемостью: тревожный менеджер с нервным тиком, студентка с паническими атаками перед экзаменами, пожилой господин с депрессией, женщина средних лет с навязчивыми мыслями.

Я слушал их, кивал, задавал вопросы, применял техники, которые отточил за десятилетия практики. Но часть меня — та часть, что жила не разумом, а инстинктом, — отсутствовала. Она всё ещё была там, в утреннем кабинете, наедине с рыжеволосой девушкой, чей страх пах тёмным шоколадом и дымом.

Япил их эмоции — понемногу, едва заметно, ровно столько, чтобы поддерживать силы. И каждый глоток был прес-

ным. Водянистым. Никаким. Я сравнивал их с ней, и это сравнение было настолько не в их пользу, что к концу рабочего дня я чувствовал себя не сытым, а, напротив, более голодным, чем утром.

Когда за последним пациентом закрылась дверь, я отпустил Ирму домой, а сам остался в кабинете. Сидел в темноте, не зажигая лампы, и смотрел на город за окном. Огни, отражающиеся в канале. Спешащие прохожие. Машины, ползущие по набережной. Всё это было чужим, далёким, не имеющим ко мне никакого отношения — так смотрят на аквариум с рыбами, не испытывая ни симпатии, ни антипатии к его обитателям.

Когда часы на стене пробили девять, я поднялся, надел пальто и вышел на улицу.

Ноябрьский воздух был холодным и влажным, пахнущим прелой листвой и речной водой. Я не мёрз — вампиры не мёрзнут, — но холод всё равно чувствовал, просто он не причинял мне неудобств.

Я пошёл вдоль набережной, не разбирая дороги, позволяя ногам нести меня туда, куда они хотели. И ноги принесли меня к ночному клубу.

«Морок» был одним из тех мест, где вампиры моего типа могли кормиться без лишних вопросов. Никаких задних комнат с донорами, никаких кровавых ритуалов — просто музыка, толпа, танцпол, алкоголь и та тягучая, густая смесь эмоций, которую выбрасывает в пространство разгорячён-

ная толпа. Похоть, зависть, пьяная тоска, дешёвый адреналин, мимолётная радость — для такого, как я, это был шведский стол. Не изысканный, но сытный.

Я спустился по лестнице в подвал, где басы долбили так, что вибрировали стены, и окунулся в толпу. Меня никто не замечал, потому что за двести лет я научился быть незаметным, когда нужно: не исчезать, нет, просто становиться частью фона, тенью среди теней. Я прислонился к колонне и открылся.

Эмоции хлынули в меня, как вода в пересохшее русло. Похоть — горьковатая, с металлическим привкусом. Зависть — кислая, едкая, как незрелый лимон. Тоска — пресная, водянистая. Я пил их одну за другой, сортируя, как сомелье сортирует вина на дегустации: это — столовое, это — на каждый день, это — в мусор. Ничего выдающегося. Ничего, что сравнилось бы с...

Я оборвал мысль на полуслове и сжал кулаки в карманах пальто. Нет. Я не буду думать о ней. Я пришёл сюда, чтобы насытиться, и я насыщусь, даже если для этого придётся выпить всю танцплощадку до дна.

Я провёл в клубе два часа. К полуночи я был сыт — настолько, насколько это вообще было возможно после сегодняшнего утра.

Голод отступил, притаился в глубине, как зверь, которого покормили, но не досыта. Я знал, что он вернётся. Знал, что с каждым днём, с каждым сеансом с Лисой он будет стано-

виться всё сильнее и требовательнее. И знал, что однажды он возьмёт верх.

Но это будет потом. Не сегодня.

Я вернулся домой около часа ночи. Мой пентхаус — верхний этаж старого доходного дома на Фонтанке, перестроенный под современное жильё лет двадцать назад, — встретил меня тишиной и темнотой. Я не стал зажигать свет: вампирское зрение позволяло видеть в темноте не хуже, чем днём, а мне нравилась эта иллюзия покоя, которую дарил ночной город за панорамными окнами.

Я снял пальто, повесил его в шкаф, стянул рубашку через голову и прошёл в ванную. Включил горячую, почти обжигающую воду и встал под душ, упёршись ладонями в мраморную стену.

Вода хлестала по плечам, по лопаткам, стекала по позвоночнику. Я закрыл глаза и снова увидел её. Лиса на кушетке: глаза закрыты, ресницы подрагивают, губы приоткрыты, рыжие волосы выбились из пучка и упали на плечо. Она погружается в свой страх, а я чувствую, как этот страх течёт ко мне — густой, тёмный, ароматный. И я пью его. Не так, как пил в клубе, — жадно, без разбора, а медленно, смакуя каждый оттенок.

Я выругался сквозь зубы и ударил ладонью по мрамору. Звук получился глухим, неудовлетворительным.

Всё было неправильно. Всё шло к тому, чего я боялся больше всего: к импринтингу. К той самой привязке вкуса,

о которой вампиры-эмпаты рассказывали шёпотом и только в кругу самых доверенных.

Если ты нашёл человека, чьи эмоции идеально резонируют с твоим голодом, ты пропал. Ты можешь пить кого угодно, но сыт не будешь. Ты можешь не видеть его месяцами, но думать будешь о нём каждый день. Ты можешь пытаться забыть, но твой организм, твоя вампирская сущность не забудет. Она будет требовать, выть и сводить с ума, пока ты не сдашься и не вернёшься к источнику.

Я выключил воду и вышел из душа, не вытираясь. Прошёл в спальню, лёг на кровать и уставился в потолок. Сна не было — вампиры редко спят, — но иногда я позволял себе лежать неподвижно, с закрытыми глазами, имитируя человеческий ритуал. Это помогало думать. Или не думать, что в моём случае было почти одним и тем же.

Но сегодня не помогало ничего.

Я лежал и видел её. Её веснушки, разбежавшиеся по переносице. Её зелёные глаза, меняющие оттенок при каждом движении. Её руки, нервно теребящие ремешок сумки. Её губы — пухлые, с приподнятыми уголками, которые не опускались, даже когда она рассказывала о самом страшном. И её запах. Этот невозможный, сводящий с ума запах, который я чувствовал даже сейчас, в своей собственной спальне, за много километров от неё.

Я открыл глаза и сел на кровати.

Нет. Так не пойдёт. Я должен отказаться от неё. Завтра же.

С утра позвоню Ирме и скажу, что пациентку Ветрову нужно передать другому специалисту. Придумаю причину — конфликт расписания, непрофильный случай, что угодно. Ирма не станет задавать лишних вопросов, она вообще никогда не задаёт лишних вопросов, за что я ей и плачу.

Я встал, подошёл к окну, прижался лбом к холодному стеклу и посмотрел на город. Где-то там, в одном из тысяч освещённых окон, спала она — рыжеволосая девушка, которая не знала, что носит в себе кладбище чужих смертей. Девушка, чей страх сводил меня с ума. Девушка, которая видела во сне чёрную воду — ту самую, в которой я тонул двести лет назад, когда умирал человеческой смертью.

Девушка, которую я не мог и не должен был видеть снова.

Я простоял у окна до рассвета, а когда ноябрьское солнце — бледное, негреющее, едва пробивающееся сквозь серую пелену облаков — показалось над крышами, я принял окончательное решение.

Я знал, что это ошибка. Знал так же точно, как то, что солнце никогда не взойдёт на западе, а мёртвые не возвращаются.

И всё же я не мог иначе.

Где-то глубоко внутри, под слоями столетнего цинизма и врачебной этики, под правилами Камиллы и страхом перед Советом, шевелилось то, что я давно считал похороненным. Любопытство, интерес и желание — не голод, а другое, более тонкое, почти забытое.

Я хотел её увидеть, но не как пациента, не как нексуса и не как источник пропитания.

Просто увидеть.

И это, пожалуй, было самым страшным из всего, что произошло со мной за последние двести лет.

Глава 3. Голод

Голод бывает разным. Самый страшный — тот, что живёт не в теле

Эдриан

До среды оставалось три дня.

Я прожил их в странном, неестественном для себя ритме — не работал, а функционировал. Принимал пациентов, пил их пресные эмоции, возвращался домой, смотрел в потолок, снова шёл в клинику. Механизм, отлаженный десятилетиями практики, работал исправно, но шестерёнки скрежетали. Я знал почему, просто не хотел называть причину вслух.

Во вторник вечером я сорвался.

Это случилось не в кабинете и не в клубе, а в собственной спальне, где я провёл последние два часа, лёжа на кровати и изучая трещину на потолке, которой раньше не замечал. Трещина была тонкой, едва заметной, и шла от люстры к углу комнаты. Я разглядывал её с тем бессмысленным вниманием, с каким человек, лишённый сна, разглядывает узоры на обоях, и пытался не думать о завтрашнем утре.

Не получалось.

Я встал, прошёл в ванную, даже не включая свет — вам-

пирское зрение прекрасно обходилось без него, — и встал под душ. Вода была горячей, почти обжигающей, но я не чувствовал её тепла. Вернее, чувствовал, но оно не приносило ни расслабления, ни облегчения — просто касалось кожи и стекало вниз в сливное отверстие.

Я упёрся ладонями в мраморную стену душевой, опустил голову, закрыв глаза, и увидел её.

Это было не воспоминание — воспоминания у вампиров тускнеют, теряют чувственную окраску, остаются чем-то вроде старой фотографии: знаешь, что было, но не помнишь, как пахло, как звучало, как касалось. А то, что я видел сейчас, было ярче реальности. Лиса сидела в моём кресле — рыжие волосы выбились из пучка и упали на плечо, — и её губы были приоткрыты, а ресницы подрагивали, потому что она снова погружалась в свой страх. И запах — тёмный шоколад, дым, ночная фиалка — плыл ко мне, окутывал, проникал в каждую клетку моего мёртвого тела.

Я застонал сквозь зубы и сжал ладонью член. Грубо, без нежности, потому что я не заслуживал нежности, и она, та, что сидела сейчас в моём воображении, не заслуживала того, что я с ней делал, но остановиться я уже не мог.

В моей фантазии она не была пациенткой. Не было кресла, не было кабинета, не было врачебной этики, которую я сам себе придумал, чтобы оправдать восемьдесят лет воздержания. Была только она — на коленях передо мной, с расширенными от страха зрачками и приоткрытыми губами. И её

густой, ароматный, невозможный страх тѣк ко мне, и я пил его, пил жадно, не сдерживаясь, как не позволял себе пить ни разу за двести лет.

Я двигал рукой быстро, резко, почти причиняя боль — боль была единственным, что ещё связывало меня с реальностью, с водой, хлещущей по плечам, с мраморной стеной под ладонями, с тихим гулом вентиляции под потолком. Всё остальное было там — с ней.

Я представлял, как она смотрит на меня снизу вверх, и в её зелёных глазах страх смешивается с желанием, как её пульс учащается, как её пальцы сжимаются на моих бѣдрах, как её хриловатый голос шепчет моѣ имя...

Я кончил с глухим, злым рычанием, и в тот же миг видение разбилось вдребезги. Никакого облегчения, только пустота, только холод и вода, всё ещё хлещущая по плечам, и отвращение к самому себе, липкое и густое, как масло.

Я стоял под душем ещё долго, хотя вода давно остыла и даже начала жечь кожу — вампиры чувствительны к перепадам температур, но сейчас мне было всё равно. Потом выключил воду, вышел, не вытираясь, и прошѣл в спальню. Лѣг на кровать, уставился в потолок.

Трещина всё ещё была там — тонкая, едва заметная, идущая от люстры к углу. Я смотрел на неё и думал о том, что всё идѣт не так. Что завтра я увижу Лису снова. Что завтра мне придѣтся сидеть в трёх метрах от неё и делать вид, что я врач. Профессионал. Что я не хочу впиться клыками в её

эмоциональное поле и выпить его до дна.

Я закрыл глаза и позволил себе короткую, горькую усмешку.

Профессионал. Врач. Целитель душ.

Двести лет я убеждал себя, что стал кем-то большим, чем просто вампиром. Что моя работа — не прикрытие для охоты, а настоящее призвание. Что я помогаю людям. Что я, чёрт возьми, приношу пользу. И вот теперь, спустя два столетия самодисциплины и самоконтроля, одна-единственная девушка с рыжими волосами и паническими атаками разнесла все мои убеждения вдребезги быстрее, чем я успел произнести слово «контрперенос».

Я лежал без сна до самого рассвета, а когда серое ноябрьское утро заползло в окна, поднялся, оделся — тёмный костюм, светлая рубашка, никакого галстука, всё как обычно, — и отправился в клинику. Ирма встретила меня в приёмной и сообщила, что пациентка Ветрова подтвердила приём на десять.

— Кофе? — спросила Ирма, хотя прекрасно знала, что я не пью кофе. Это был наш ритуал: она предлагала, я отказывался, и так каждое утро.

— Нет, спасибо, — сказал я. — Ирма, пациентку Ветрову, когда придёт, пожалуйста, проводите сразу в кабинет. Без ожидания.

Ирма кивнула, и я прошёл к себе, закрыл дверь, сел в кресло и стал ждать.

Часы на стене отсчитывали минуты. Девять тридцать. Девять сорок. Девять пятьдесят. Я смотрел на циферблат и думал о том, что за всю свою двухсотлетнюю жизнь я никогда, ни разу не ждал ни одного человека с таким нетерпением и таким ужасом одновременно. Даже Катрин. Даже в ту ночь, когда...

Я оборвал мысль. Не сейчас. Только не сейчас.

В десять ноль две дверь кабинета открылась, и вошла Лиса.

На ней был горчичный свитер крупной вязки, который я видел во время нашей первой встречи, или похожий, и тёмные джинсы.

Рыжие волосы были собраны в небрежный пучок, из которого выбилось несколько прядей. Веснушки на носу выглядели ярче, чем в прошлый раз, словно она провела выходные на солнце, хотя солнца в ноябре не бывает. И глаза — зелёные, в крапинку, смотрели на меня с плохо скрываемым волнением.

— Доброе утро, — сказала она, и голос у неё был чуть более напряжённым, чем в прошлый раз. — Я пришла, как вы просили.

— Доброе утро, Лиса. — Я указал на кресло. — Садитесь. Девушка села, поставила сумку на пол, сцепила пальцы на коленях — точь-в-точь как три дня назад. Только теперь в её позе было что-то ещё, кроме волнения.

Любопытство? Настороженность?

Я не мог понять, а лезть в её эмоциональное поле до начала сеанса не хотел. На самом деле попросту боялся, что не смогу остановиться.

— Как вы себя чувствовали эти три дня? — спросил я, откидываясь в кресле и стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

— Странно, — сказала она и вдруг усмехнулась. — Вообще-то, хорошо. Слишком хорошо. Я не хочу сглазить, но после нашего первого сеанса у меня не было ни одной панической атаки. Даже в метро или в лифте. Я спала спокойно две ночи подряд. Две ночи, доктор Морро. Вы понимаете, что это для меня значит?

Понимал ли я? О, да. Я понимал даже слишком хорошо.

Я выпил из неё столько накопленного страха, что её нервная система впервые за год получила передышку, но я не мог ей этого сказать.

— Это хороший знак, — произнёс я, старательно изображая профессиональное удовлетворение. — Значит, мы движемся в верном направлении.

— Да, но... — она замялась, и я заметил, как её пальцы крепче сжали колени. — Мне снился тот же сон. С чёрной водой. Только теперь...

— Что теперь?

— Теперь там был человек. На берегу. Мужчина. Я не видела его лица, но я знаю, что он смотрел на меня. И он... ждал.

У меня внутри всё похолодело. Чёрная вода. Мужская фигура на берегу. Ожидание. Если это было тем, о чём я думал, — если её сон был эхом моей собственной смерти, моего собственного перехода, — то всё было гораздо хуже, чем я предполагал. Нексус не просто впитывает чужие смерти. Она впитывает мою...

— И как вы себя чувствовали, когда проснулись? — спросил я, тщательно скрывая дрожь в голосе.

— Странно, — повторила девушка и вдруг покраснела — густо, пятнами, от шеи к щекам. — Мне было... не по себе. Но не страшно, а скорее...

Лиса замолчала, и я не стал её торопить. Я видел, как эмоции кружатся вокруг неё — смущение, стыд, что-то ещё, более тёплое, более интимное, во что я не позволил себе вслушиваться. И поверх всего этого всё те же тёмный шоколад, дым и ночная фиалка, от которых у меня снова начали расширяться зрачки.

Я с трудом заставил себя остаться на месте.

— Давайте попробуем ещё раз то упражнение, которое мы делали в прошлый раз, — сказал я, и голос мой прозвучал ровно, даже скучающе. — Закройте глаза. Представьте себе сон. Чёрную воду. Фигуру на берегу. Но теперь не стойте на месте, а попробуйте подойти ближе.

Лиса кивнула, закрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Я видел, как расслабляются её плечи, как замедляется дыхание, как ресницы перестают подрагивать. Она погружа-

лась в транс быстро, слишком быстро для обычного человека, но для нексуса это было естественно.

Я ждал. Она молчала. Прошло полминуты, минута, две. Я уже собирался заговорить, когда девушка вдруг вздрогнула всем телом, словно от удара током, и её дыхание перехватило.

— Я вижу его, — прошептала она. — Ближе. Почти лицо. Но оно...

— Какое?

— Размытое, как будто под водой. — Её голос задрожал. — Он протягивает руку. Я хочу подойти, но что-то меня не пускает.

— Что именно?

— Не знаю. Страх. Но не мой. Чужой. Как будто кто-то другой боится, чтобы я подошла.

У меня перехватило горло. Чужой страх. Страх, который она впитала. Мой страх, потому что две ночи назад, лёжа без сна в своей спальне, я до смерти боялся именно этого: что она подойдёт слишком близко и увидит то, что не должна видеть.

— Это хороший прогресс, Лиса, — сказал я, и это было самой большой ложью из всех, что я когда-либо произносил в этом кабинете. — На сегодня достаточно. Мы продолжим в следующий раз.

Девушка открыла глаза, и я увидел, как в них мелькнуло разочарование. Может быть, она ждала, что я объясню ей,

что это значит. Может быть, ждала, что я скажу что-то ещё — что-то утешительное, врачующее, но я молчал.

Я не мог говорить, потому что всё моё существо было занято одним-единственным желанием: выпить её страх. Прямо сейчас, без церемоний, без врачебной этики, без дурацкого правила, которое я сам себе придумал. Просто наклониться, вдохнуть и забрать всё.

Я не сделал этого.

Лиса встала, взяла сумку, попрощалась вежливо, чуть холоднее, чем в прошлый раз, и вышла. А я остался сидеть в кресле, сжимая подлокотники так, что дерево захрустело.

Когда за ней закрылась дверь, я поднёс ладонь к лицу и посмотрел на пальцы. Они снова дрожали. Совсем как три дня назад, только теперь дрожь была сильнее, глубже, она шла откуда-то изнутри, из той древней, животной части меня, которая жила инстинктами и не признавала никаких правил.

Импринтинг.

Я закрыл глаза и произнёс это слово вслух тихо, почти неслышно, словно боялся, что сам звук придаст ему реальность. Но реальность уже наступила. Она сидела в этом кресле, пахла тёмным шоколадом и дымом, видела во сне мою смерть и краснела, рассказывая о том, что чувствовала после пробуждения. А я... Я сидел напротив и делал вид, что могу это контролировать.

За окном занимался серый ноябрьский день. Где-то вни-

зу, на набережной, спешили по своим делам обычные люди. Они не знали, что где-то совсем рядом находится вампир, который только что понял: он пропал. Бесповоротно и окончательно. Навсегда.

Я открыл глаза, взял телефон и набрал номер.

— Ирма, — сказал я. — Запишите Ветрову на пятницу. В то же время.

Пауза. Ирма что-то говорила — кажется, про плотность расписания и про то, что пятница уже занята, — но я не слушал. Я смотрел на пустое кресло напротив, на примятую подушку, на едва заметный след от её ладони на подлокотнике, и думал о том, что правило, которое я не нарушал восемьдесят лет, только что перестало иметь значение.

Осталось только одно правило. Самое древнее и самое страшное. То, которое вампиры моего типа передают из уст в уста, не записывая ни в каких книгах:

«Если ты встретил свой вкус — ты уже мёртв. Вопрос только в том, как долго ты будешь падать».

Я положил трубку и улыбнулся — криво, горько, без тени веселья.

Что ж. Видимо, пришло время падать.

Глава 4. След

*Иногда мы чувствуем чьё-то присутствие
задолго до того, как увидим лицо*

Лиса

Из клиники я вышла в странном состоянии — лёгкая, почти невесомая, словно кто-то вынул из моей груди камень, который я таскала там последний год, и выбросил за ненадобностью.

Дышалось глубоко, ровно, без привычного спазма в горле. Но внутри, где раньше лежала эта тяжесть, теперь поселилось что-то другое — смутное беспокойство, неоформленное, безымянное. Как будто я потеряла что-то важное, но не могла вспомнить, что именно.

Я остановилась у выхода из бизнес-центра и подняла лицо к небу. Серое, низкое, ноябрьское — оно висело над городом, как старая простыня, которую забыли снять с верёвки. Пахло сыростью, прелой листвой и речной водой из канала. Обычный петербургский ноябрь, беспросветный и промозглый, но сегодня даже он казался мне почти красивым.

Я сунула руки в карманы джинсов и пошла вдоль набережной, не разбирая дороги. В голове крутился сегодняш-

ний сеанс. Вернее, не сам сеанс, а он. Эдриан Морро. То, как он смотрел на меня сегодня, — иначе, чем в прошлый раз.

Тогда, три дня назад, его взгляд был профессиональным, оценивающим, с лёгким холодком. Сегодня в нём появилось что-то ещё — голодное, острое, почти опасное. И вместе с тем он выглядел хуже: бледнее, осунувшееся, с тенями под глазами. Как человек, который не спал несколько ночей подряд. Или как человек, который борется с чем-то внутри себя и проигрывает.

Я вспомнила, как он попросил меня закрыть глаза и представить сон. Как его низкий, обволакивающий голос вёл меня к чёрной воде, к фигуре на берегу. Как страх начал уходить — не сам, не постепенно, а сразу, рывком, словно кто-то открыл невидимый клапан и спустил давление. И как, открыв глаза, я увидела его лицо — белое, с расширенными зрачками и пульсирующей жилкой на виске.

«Ничего особенного. Простая релаксационная техника. Вы хорошо поддаётесь».

Врёт. Определённо врёт. Я не знала, что именно он делал, но это не было «простой релаксационной техникой». Никакая релаксация не могла вытянуть из меня год накопленного ужаса за десять минут. И никакая релаксация не могла оставить самого психотерапевта в таком состоянии, словно он только что пробежал марафон.

Я свернула с набережной в переулок и вскоре оказалась перед кофейней — маленькой, уютной, с деревянными ра-

мами и жёлтым светом внутри. «Фонарь» — гласила вывеска. Я заходила сюда пару раз, когда училась в университете, но потом забыла. Сегодня кофейня оказалась мне спасением: горячий кофе, двадцать минут покоя, возможность разложить мысли по полочкам.

Я толкнула дверь, и звякнул колокольчик.

Внутри было тепло и почти пусто, только пара студентов с ноутбуками в углу да пожилая дама с книгой у окна. Я заказала капучино и села за столик у стены, спиной к залу, чтобы никто не мешал. Кофе принесли быстро — густая пенка, присыпанная корицей, — и я обхватила чашку ладонями, впитывая тепло.

Итак, что мы имеем? Психотерапевт, который лечит панические атаки без таблеток и без обычных техник. Который выглядит так, словно не спит и не ест. Который не отражается в зеркале, и это не галлюцинация, я проверила сегодня дважды, пока шла к двери. И который смотрит на меня так, будто я не пациентка, а... кто? Лакомство? Добыча?

Я отхлебнула кофе и обожгла язык. Поморщилась. Ладно. Я допускаю невозможное, и он не человек. Допустим, всё, что я читала в подростковом возрасте про вампиров, эмпатов и прочую нечисть, — не выдумка. Что тогда? Почему ему плохо после сеанса? Почему он просит меня закрывать глаза и представлять страх? И почему мой страх уходит, а он остаётся бледным и дрожащим?

Ответ напрашивался сам собой, но я боялась его форму-

лировать, потому что если я права — если он каким-то образом забирает мой страх себе, — то это объясняло всё. И его состояние после сеансов. И моё неожиданное исцеление. И то, что он продолжает вести меня, хотя явно что-то скрывает.

И то, что я продолжаю к нему ходить, хотя в глубине души понимаю: это опасная игра.

— Прошу прощения.

Я вздрогнула и подняла глаза. Перед моим столиком стоял мужчина. Молодой, лет двадцати пяти на вид, светловолосый, с голубыми глазами и улыбкой, которая должна была показаться обаятельной, но почему-то не показалась. Что-то в ней было неправильное — слишком широкая, слишком ровная, словно он долго тренировал её перед зеркалом.

— Я не хотел вас напугать, — сказал он, и голос у него оказался приятным — тёплый баритон с лёгкой хрипотцой. — Вы пролили кофе.

Я опустила взгляд и только теперь заметила, что чашка в моих руках накренилась и коричневая лужица растеклась по столу, капая на пол. Чёрт. Я так глубоко задумалась, что перестала контролировать собственные руки. Вот тебе и исцеление: от панических атак избавилась, зато приобрела рассеянность.

— Ой, — сказала я и схватила салфетку. — Спасибо. Я просто задумалась.

— Бывает. — Мужчина продолжал стоять, не уходя, и я

почувствовала лёгкий укол раздражения, потому что не люблю, когда незнакомцы зависают над душой. — Разрешите? — Он указал на стул напротив.

Я хотела сказать «нет». Честное слово, хотела, но он уже сядил — плавно, уверенно, с той особой грацией, которую я недавно видела у другого человека. И это сходство заставило меня еще больше насторожиться.

— Меня зовут Марк, — сказал он, протягивая руку. — Я тут часто бываю, а вас раньше не видел.

— Лиса, — ответила я и пожала его ладонь, которая оказалась прохладной. Не ледяной, как у Эдриана, но определённо холоднее, чем должна быть у человека, который только что зашёл с улицы в тёплую кофейню.

— Лиса, — повторил он, пробуя моё имя на вкус, и улыбнулся ещё шире. — Красивое имя. Редкое.

— Спасибо.

Он задержал мою руку в своей чуть дольше, чем следовало. Я почувствовала, как его большой палец скользнул по моему запястью — лёгкое, почти невесомое движение, но от него у меня по коже побежали неприятные мурашки.

Я отдернула руку и сделала вид, что занята пролитым кофе.

— Вы живёте где-то рядом? — спросил Марк, не обращая внимания на мою очевидную неловкость. — Я бы запомнил такую девушку.

— Нет, — ответила я коротко. — Проходила мимо.

— Жаль. — Он откинулся на спинку стула, и я заметила, что он не сводит с меня глаз. Не так, как смотрят мужчины, пытающиеся познакомиться, — с интересом, с прикидкой, с лёгким флиртом.

Нет. Он смотрел так, как смотрят на диковинный экспонат в музее. Изучал. Оценивал. И ещё — принюхивался. Я видела, как его ноздри чуть расширяются, словно он пытается уловить запах.

Внутри у меня всё сжалось от ужаса.

— Мне пора, — произнесла я и встала, комкая в руке мокрую салфетку. — Приятно было познакомиться.

— Взаимно. — Марк тоже встал, и я заметила, что он высокий — почти как Эдриан, только сложен более атлетично. — Надеюсь, ещё увидимся, Лиса.

Я не ответила. Бросила на стол купюру, подхватила сумку и вышла из кофейни быстрее, чем следовало. Колокольчик звякнул за моей спиной, и холодный ноябрьский воздух ударил в лицо, отрезвляя.

Я прошла полквартиры, прежде чем позволила себе остановиться и перевести дух. Сердце колотилось — не панически, как раньше, а тревожно, предупреждая.

Что это было? Случайная встреча или нет? И почему этот Марк тоже смотрел на меня так, словно я была не человеком, а... добычей?

Я помотала головой и пошла к метро. Хватит. Хватит с меня загадок на сегодня. Сначала Эдриан Морро с его се-

ребрыными глазами и холодными руками, теперь этот — с голодным взглядом и странной манерой принюхиваться.

Может, у меня просто паранойя? Может, паническое расстройство перешло в какую-то новую стадию — манию преследования, например. Может, мне нужно не к психотерапевту, а к психиатру, и желательно стационарно?

Но что-то внутри — то самое чутьё, которое я привыкла игнорировать последний год, — говорило: нет, не паранойя. Всё, что происходит со мной в последние дни, — реально. И Эдриан, и Марк, и мой дар, и эти дурацкие сны с чёрной водой — всё это части одной картины, которую я пока не могла сложить.

Дома я первым делом скинула кеды, прошла на кухню и выпила стакан воды — холодной, прямо из-под крана. Потом села на подоконник, обхватила колени руками и уставилась в окно. За стеклом темнело — ноябрьский день короток, сумерки сгущались уже к четырём. Где-то в доме напротив зажглись окна — жёлтые прямоугольники, чужие жизни, в которых не было ни вампиров, ни эмпатов, ни чёрной воды.

Я завидовала им. Тем, кто не знает, что мир устроен сложнее, чем написано в учебниках.

Потом я вспомнила про сон. Сегодня, на сеансе, Эдриан попросил меня подойти к фигуре ближе, и я почти увидела лицо. Почти. Ещё немного, и... Что? Что бы я увидела? Его лицо? Лицо человека, который стоит на берегу чёрной воды и ждёт меня уже много лет?

Я прыгнула с подоконника и пошла в спальню. Раздеваться не стала, а просто легла поверх покрывала, натянула плед до подбородка и закрыла глаза. Спать не хотелось. Хотелось понять. Хотелось снова оказаться там — у чёрной воды, — и на этот раз не бояться. Подойти, протянуть руку и увидеть.

Я не заметила, как заснула.

Чёрная вода была спокойной. Гладкой, как зеркало. Она не плескалась, не бурлила, не пыталась затянуть меня в свою глубину — просто лежала у моих ног, отражая небо, которого не было. Я стояла на берегу босиком, в том самом горчичном свитере, в котором была днём, и смотрела на противоположный берег.

Он был там. Мужская фигура. Высокая, сухощавая, смутно знакомая. Я не видела лица, но знала — это он. Тот, кто снился мне каждую ночь. Тот, кто ждал.

Я сделала шаг к воде. Ещё один. Холод коснулся пальцев ног — не обжигающий, а мягкий, почти ласковый. Вода расступилась, принимая меня. Я вошла по щиколотку, по колено, по пояс. Чёрная гладь смыкалась вокруг моего тела, но не душила, не тянула на дно, а словно обнимала. И я поплыла — медленно, размеренно, не сводя глаз с фигуры на том берегу.

Когда я выбралась на сушу, он стоял совсем близко. Протягивал мне руку — длинные пальцы, бледная кожа, серебряный перстень на указательном. Я подняла глаза. Лицо всё ещё было размытым, но черты проступали яснее, чем рань-

ше: высокие скулы, прямой нос с горбинкой и серые глаза с тёмным ободком.

— Эдриан, — прошептала я.

Он не ответил, но его пальцы сомкнулись вокруг моей ладони, и это прикосновение было тёплым — не холодным, как в кабинете, а тёплым, живым, человеческим. И от этого тепла внутри у меня что-то дрогнуло, распахнулось, раскрылось навстречу.

Я проснулась в четыре утра. В комнате было темно, только уличный фонарь за окном рисовал на потолке жёлтые полосы. Сердце колотилось часто-часто, но не от страха, а от чего-то другого.

Тело горело. Внизу живота пульсировало тепло, которое не имело никакого отношения к панике. Я все ещё чувствовала его прикосновение, словно он держал меня за руку не во сне, а наяву. И мне хотелось, чтобы он держал меня не только за руку.

Я перевернулась на бок и сжала бёдра. Зажмурилась. Перед глазами всё ещё стояло его лицо — не размытое, как во сне, а чёткое, такое, каким я видела его сегодня в кабинете. Острые скулы. Серые глаза, темнеющие у зрачков. Губы — чётко очерченные, сжатые в вежливую полуулыбку. И голос — низкий, обволакивающий, вибрирующий где-то в груди.

Я застонала и провела ладонью по животу, спускаясь ниже. Бельё было влажным. Я не хотела этого и хотела одновременно. Хотела представить, что это не мои пальцы, а его.

Что он здесь, рядом, в этой комнате, в этой постели. Что он наклоняется ко мне и его дыхание касается моей шеи. Что его низкий, обволакивающий голос шепчет что-то, чего я не могу разобрать, но от чего внутри всё сжимается в сладком спазме.

Я двигала рукой быстро, почти отчаянно, не заботясь о том, что могу разбудить соседей скрипом кровати. Перед глазами плыли образы — его лицо, его руки с длинными пальцами, его волосы, упавшие на лоб.

Я представила, как он смотрит на меня — не профессионально, не оценивающе, а так, как мужчина смотрит на женщину, которую хочет. И от этого взгляда внутри меня всё взорвалось — ярко, остро, почти болезненно. Я вскрикнула, зарывшись лицом в подушку, и спустя минуту затихла, тяжело дыша.

В комнате было тихо. Фонарь за окном всё так же рисовал на потолке жёлтые полосы. Сердце постепенно замедлялось. Медленно-медленно возвращался стыд — липкий, горячий, знакомый.

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок.

— Я схожу с ума, — произнесла вслух.

Я лежала так долго, глядя в темноту и пытаясь понять, что со мной происходит. Пациентка влюбилась в своего психотерапевта — классика, Фрейд был бы доволен. Но всё было сложнее. Я не просто влюбилась. Я чувствовала его каждой клеткой, каждым нервом даже когда его не было рядом. Я

видела его во сне. Знала о нём то, чего не должна была знать. И он знал обо мне то, чего не знал никто. Даже я сама.

Когда за окном начало сереть, я встала, прошла на кухню и поставила чайник. Руки дрожали, но не от паники, а от предвкушения, потому что завтра — то есть уже сегодня — пятница. И в десять утра я снова увижу его.

Я села за стол, обхватила кружку с чаем ладонями и улыбнулась сама себе, устало, безрадостно.

— Ты пропала, Лиса Ветрова, — вынесла я вердикт сама себе. — Окончательно и бесповоротно.

Чай был горячим и горьким. Совсем как правда, которую я пока не готова была принять.

Глава 5. Приглашение

В каждом мире есть те, кто следит из тени. И те, кто решается выйти на свет

Эдриан

Приглашение пришло в четверг вечером — белый конверт без марки, без обратного адреса, только моё имя, выведенное каллиграфическим почерком на плотной бумаге. Ирма положила его на мой стол поверх истории болезни какого-то пациента, и я сразу узнал и бумагу, и почерк. Совет клана пользовался такими конвертами последние лет пятьдесят, потому что Виктор любил традиции, особенно те, что подчёркивали его власть.

Я вскрыл конверт. Внутри — карточка из того же плотного кремового картона: «Совет старейшин Северного клана приглашает Эдриана Морро на внеочередное собрание. Пятница, девятнадцать часов. Особняк на Большой Конюшенной. Присутствие обязательно». Ни подписи, ни печати. Только голая, неприкрытая власть, не нуждающаяся в формальностях.

Я отложил карточку и посмотрел в окно. За стёклами уже темнело — ноябрьский вечер наваливался на город, как оде-

яло. Где-то там, в лабиринте улиц и каналов, жила своей обычной жизнью Лиса Ветрова. Сегодня утром я снова её принимал и снова едва не сорвался. С каждым сеансом становилось всё труднее удерживать дистанцию. Она пахла всё ярче, всё гуще, и её страх теперь преследовал меня не только во снах, но и наяву. Я ловил его в офисе, на улице, в собственной спальне. Он въелся в мою одежду, в мою кожу, в мои мысли.

А теперь ещё и Совет.

Я знал, что это значит. Совет не собирается по пустякам. Если Виктор вызывает всех старейшин и требует присутствия рядовых членов клана, значит, случилось что-то серьёзное. Или вот-вот случится.

В пятницу я закончил приём на час раньше обычного, отпустил Ирму и поехал на Большую Конюшенную. Особняк Совета — старый, дореволюционной постройки, с лепниной на фасаде и чугунными воротами — стоял в глубине двора, скрытый от посторонних глаз.

Смертные проходили мимо, не замечая его: на доме лежало старое вампирское заклятие, отводящее глаза. Никто из людей не помнил, что находится за этими воротами, и никто не задавал вопросов.

Я толкнул калитку и вошёл во внутренний двор. Фонари уже горели — жёлтые шары света в ноябрьской мгле. Дорожка, выложенная брусчаткой, вела к парадному входу. На ступенях стояли двое молодых вампиров из охраны Совета —

новенькие, я их не знал. Они скользнули по мне взглядами, узнали, расступились.

Внутри особняк не изменился за последние сто лет. Та же анфилада, тот же паркет, натёртый до зеркального блеска, те же портреты на стенах — бывшие старейшины, давно ушедшие в небытие или покинувшие город. Тяжёлые шторы на окнах, приглушённый свет канделябров, запах воска и старого дерева. И тишина — та особая, глубокая тишина, какая бывает только в домах, где никто не спит.

Я прошёл через гостиную в малый зал, где обычно проходили собрания. Зал был почти полон — вампиры Северного клана, человек тридцать, сидели на стульях, расставленных полукругом. Кто-то обернулся на мой приход, кто-то кивнул, кто-то сделал вид, что не заметил. Я ни с кем особенно не дружил, за двести лет одиночество становится привычкой, от которой трудно отказаться.

В центре, на возвышении, стояло кресло старейшины — массивное, с высокой спинкой, обитое тёмно-бордовым бархатом. Рядом с ним, чуть позади, расположился Марк. Он стоял, скрестив руки на груди, и улыбался своей неизменной улыбкой — слишком широкой и ровной. Я заметил его сразу, но не подал виду. Марк был из тех вампиров, кто любит играть на публику: молодой, амбициозный, с вечной иронией в голосе и вечным чувством собственного превосходства.

Сам Виктор появился минуту спустя. Он вошёл через боковую дверь — высокий, грузный, в неизменном сером ко-

стюме, с серебряными висками и тяжёлым лицом, на котором время оставило больше следов, чем на лицах большинства вампиров.

Говорили, что Виктор был обращён уже в зрелом возрасте — ему было под шестьдесят, когда он переступил черту, — и потому его внешность сохранила печать прожитых лет. Это делало его ещё более внушительным.

Молодые вампиры часто выглядели слишком совершенными, слишком гладкими и оттого ненастоящими. Виктор был настоящим. От него веяло силой и опасностью, как от старого медведя, который уже не молод, но всё ещё способен сломать хребет одним ударом лапы.

— Господа, — произнёс он, опускаясь в кресло. Голос у него был глухим, низким, с хрипотцой. — Благодарю всех, кто пришёл. Прошу садиться.

Я нашёл свободный стул в третьем ряду и сел, стараясь не привлекать внимания. Виктор обвёл зал взглядом — медленно, тяжело, задерживаясь на каждом лице, — и начал.

— Как вам известно, в последние недели в городе участились случаи нелегальной охоты. Трое молодых вампиров — из тех, что были обращены без разрешения Совета, — напали на людей в Василеостровском районе. Двое смертных госпитализированы. Один мёртв. Полиция ищет объяснения, и пока что списывает всё на бандитские разборки, но долго так продолжаться не может. Если люди начнут подозревать правду, нам всем придётся туго.

По залу прокатился шёпот. Кто-то справа от меня выругался вполголоса. Я молчал. Нелегальная охота была проблемой старой, как сам вампиризм, потому что всегда находились те, кто не желал соблюдать правила. Обычно Совет сам разбирался с нарушителями, но, судя по тону Виктора, на этот раз всё было серьёзнее.

— Я усилил патрули, — продолжал он. — Охрана Совета будет работать в две смены. Кроме того, я прошу всех членов клана, имеющих доступ к смертным в профессиональной или личной сфере, быть особенно осторожными. Никаких лишних контактов. Никаких подозрительных ситуаций. Если кто-то из вас привлекает внимание людей, избавьтесь от этого внимания. Любым способом.

Он сделал паузу и снова обвёл зал взглядом. На мгновение его глаза задержались на мне — дольше, чем на других, — и внутри у меня всё похолодело. Неужели знает? Неужели Марк доложил о моей пациентке?

Но Виктор ничего не сказал и перешёл к другим вопросам: распределение охотничьих территорий, спор из-за клуба в центре города, какой-то конфликт между молодыми вампирами и старейшинами на юге. Я слушал вполуха, думая о том, что мне нужно как можно скорее убраться отсюда, пока никто не задал лишних вопросов.

Собрание закончилось около девяти. Вампиры потянулись к выходу, обсуждая услышанное. Я тоже встал и направился к двери, но не успел сделать и трёх шагов, как дорогу

мне преградил Марк.

Он стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, и улыбался — всё той же неестественно широкой улыбкой, которая не затрагивала голубых глаз. Свет канделябров падал на его светлые волосы, делая их почти золотыми. Красивый, сволочь. И знает об этом.

— Морро, — произнёс он, растягивая мою фамилию, как дорогую карамель. — Давно не виделись.

— Марк, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты прекрасно знаешь, что виделись мы на прошлом собрании. Месяц назад.

— Месяц — это много. За месяц многое может случиться. — Он отлепился от косяка и сделал шаг ко мне.

Мы были почти одного роста, но Марк держался агрессивнее — расправленные плечи, вздёрнутый подбородок.

— Как твоя практика? Говорят, у тебя новые пациенты.

Я почувствовал, как внутри закипает холод. Не гнев — гнев для вампира слишком горяч, слишком человечен. Нет, что-то другое, древнее, инстинктивное. Охранительное. Он говорил о практике, но смотрел при этом так, словно знал что-то ещё. Знал о ней.

— Практика в порядке, — ответил я. — А твои дела? Всё так же бегаешь на посылках у Виктора?

Улыбка Марка дрогнула — на долю секунды, но я заметил. Попадание. Он не любил, когда ему напоминали о его положении. При Викторе он был кем-то вроде личного по-

мощника — не старейшина, не член Совета, а мальчик на побегушках с красивой улыбкой и полезными знакомствами.

— У каждого своя роль, — сказал он, и голос его стал чуть холоднее. — Кстати, о ролях. Я тут на днях встретил одну интересную девушку. Рыженькая такая. С веснушками. — Он сделал паузу, наслаждаясь эффектом. — Сказала, что проходила мимо, но от неё пахло тобой. Странно, да? Для пациентки, которая просто проходит мимо.

Я ничего не ответил. Просто смотрел на него и ждал. Марк был из тех, кто любит говорить, и рано или поздно он проговаривался.

— Ты же знаешь правило, — продолжил он, поигрывая запонкой на манжете. — Клиентов не пьют. Старое доброе правило, утверждённое Камиллой, верно? Ты его, кажется, сам придумал, когда открывал практику.

— Я её не пью, — сказал я, и голос прозвучал ровно, даже скучающе.

Хорошо. Значит, я ещё способен контролировать себя.

— Врёшь. — Марк прищурился и подался вперёд, почти вплотную.

Я почувствовал его запах — дорогой одеколон, что-то цитрусовое, а под ним холод, всегдашний холод вампирской кожи.

— От тебя разит ею. Я почувствовал это ещё в кофейне, когда она пролила кофе. Знаешь, у неё очень интересный запах. Необычный. Я таких раньше не встречал.

Я сжал кулаки в карманах пальто. Она пролила кофе. Случайно? Или он сам подстроил встречу? Марк был достаточно ловок, чтобы разыграть случайное знакомство, и достаточно любопытен, чтобы проверить пациентку, от которой пахло мной.

— Ты следил за ней, — сказал я, и это был не вопрос.

— Наблюдал, — поправил он. — Из чистого любопытства. И знаешь, что я заметил? Она не простая смертная. У неё есть что-то в эмоциональном поле. Я не смог разобраться, что именно, но ты, я думаю, уже в курсе. Ты же у нас специалист.

Повисло молчание. Свечи в канделябрах потрескивали. Где-то в глубине особняка хлопнула дверь, последние гости расходились. Мы стояли в пустом коридоре, друг напротив друга, и воздух между нами был натянут, как струна.

— Чего ты хочешь? — спросил я, наконец.

— Я? — Марк улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой. — Ничего. Просто предупреждаю. Виктор тоже заметил. Точнее, заметил, что ты ведёшь себя странно. Пропускаешь собрания, отказываешься от общих охот, выглядишь так, будто не спишь вторую неделю. А теперь ещё и девушка с необычным полем, от которой разит тобой за километр. Сам понимаешь, к каким выводам можно прийти.

— Я разберусь.

— Разберись. — Он отступил на шаг, давая мне пройти. — Потому что если не разберёшься ты, разберутся другие.

Ты знаешь Виктора. Он не любит, когда члены клана скрывают что-то, что может быть полезно Совету.

— Ей нечего скрывать. Она обычный человек.

— Обычные люди не пахнут так, — сказал Марк, и его улыбка, наконец, погасла. — Я не знаю, что она такое, но я узнаю. И тебе советую поторопиться.

Я прошёл мимо него, не прощаясь, и вышел во двор. Холодный ноябрьский воздух обжёг лицо, но мне было всё равно. Мысли неслись галопом. Марк знает. Пока не всё — он не понял, что она нексус, — но уже достаточно, чтобы заинтересоваться. А если заинтересовался Марк, то рано или поздно заинтересуется Виктор. И тогда мне придётся либо защищать её от Совета, либо...

Либо обратиться к Камилле. К той, кого я избегал последние восемьдесят лет.

Я остановился посреди двора, поднял голову к небу — серому, низкому, беззвёздному, — и впервые за долгое время произнёс про себя имя своей создательницы. Камилла. Если кто и мог помочь мне защитить нексуса от Совета, то только она. Но она же была и причиной, по которой я поклялся никогда не пить клиентов. Она же была и той, кто обратил меня в ту ночь, когда Катрин умерла.

Я сунул руки в карманы и пошёл к воротам. Решение ещё не созрело, но я знал, что оно близко. А пока мне нужно было вернуться домой, запереть дверь и постараться не думать о том, что Лиса завтра снова придёт на приём. И послезавтра.

И после послезавтра. И что с каждым сеансом я буду привыкаться к ней всё сильнее, а Совет будет придвигаться всё ближе.

И однажды эти две линии пересекутся, и тогда мне придётся выбирать.

Я не знал, что выберу, и это было самым страшным.

Глава 6. Прикосновение

Некоторые встречи не случайны — они просто ждали своего часа

Лиса

В пятницу я пришла за пятнадцать минут до приёма и полчаса просидела в приёмной, листая один и тот же журнал по дизайну, который не видела перед собой. Строчки расплывались, картинки сливались в серо-голубые пятна, а мысли крутились вокруг одного: он. Эдриан.

То, что случилось со мной в ночь после второго сеанса — этот странный сон, это пробуждение в четыре утра, это жгучее, стыдное желание, — всё это не укладывалось в голове. Я никогда не была склонна к наваждениям. У меня были мужчины, немного, но были, и ни один из них не вызывал у меня и десятой доли того, что вызывал этот холодный, странный, невозможный человек, с которым я провела в общей сложности от силы пару часов.

Ирма за стойкой печатала что-то на компьютере, не поднимая глаз. Часы на стене отсчитывали минуты: девять пятьдесят две, девять пятьдесят три, девять пятьдесят пять.

Я перевернула очередную страницу, смутно осознав, что

на ней изображена гостиная в скандинавском стиле, и вдруг поймала себя на том, что задерживаю дыхание. Как перед прыжком в воду или как перед чем-то неизбежным.

В десять ровно дверь кабинета открылась, и он появился на пороге — сам, без обычного приглашения через Ирму.

— Лиса, — сказал он, и от звука моего имени, произнесённого этим низким, обволакивающим голосом, у меня по спине пробежала дрожь. — Проходите.

Я встала, чувствуя, как ватные ноги несут меня к двери, и вошла в кабинет. Сегодня шторы были задёрнуты, и свет — тот самый мягкий, приглушённый, что я запомнила с первого раза, — делал пространство похожим на аквариум. Или на подводный грот. Или на тот самый сон, где чёрная вода отражает небо, которого нет.

Я села в кресло, поставила сумку на пол и наконец, подняла на него глаза. Эдриан выглядел хуже, чем три дня назад. Тени под глазами стали глубже, скулы заострились ещё сильнее, и общая бледность его лица теперь казалась не просто аристократической, а болезненной.

— Как вы? — спросил он, опускаясь в кресло напротив. Тот же вопрос, что и в прошлый раз, те же слова, но интонация иная. Он не спрашивал из вежливости, а спрашивал так, словно ответ был ему жизненно важен.

— Хорошо, — ответила я, и это было правдой — по крайней мере, отчасти. — Приступов больше не было. Я сплю почти нормально, но сны... они изменились.

— Каким образом?

Я замялась. Как объяснить ему, что в моих снах он больше не стоит на противоположном берегу, а подходит ближе? Что я чувствую тепло его руки, хотя в реальности его пальцы холодны как лёд? Что я просыпаюсь среди ночи с желанием, которого не должна испытывать к собственному психотерапевту?

— Фигура на берегу, — сказала я, тщательно подбирая слова. — Она приближается. В прошлый раз я видела только силуэт. Теперь я вижу руку. Лицо всё ещё размыто, но я знаю, что это мужчина. И он... зовёт меня. Не словами. Просто я знаю, что он хочет, чтобы я подошла.

Эдриан молчал. Его лицо оставалось неподвижным, но я заметила, как побелели костяшки пальцев, сжимавших подлокотник. Заметила, как дёрнулась жилка на виске. И ещё — как расширились его зрачки, заполняя серую радужку чернотой.

— Давайте попробуем упражнение, — сказал он после долгой паузы. — Как в прошлый раз. Закройте глаза и представьте себе этот сон. Только теперь не останавливайтесь на берегу. Подойдите к воде, а потом — к нему.

— Вы хотите, чтобы я вошла в воду? — Мой голос дрогнул.

— Да. Но вы не утонете, потому что я здесь. Я рядом. — Он чуть подался вперёд, и его голос стал тише, интимнее. — Доверьтесь мне.

Я посмотрела в его глаза — серые, с тёмным ободком, сейчас почти чёрные от расширенных зрачков, — и кивнула. Потому что, вопреки всему, я действительно ему доверяла. Может быть, зря. Может быть, это было самое глупое решение в моей жизни. Но я доверяла ему так, как не доверяла ни одному врачу, ни одному человеку за последний год.

Я закрыла глаза и откинулась на спинку кресла.

Чёрная вода появилась сразу — она ждала меня. Гладкая, неподвижная, отражающая пустоту. Я стояла на берегу босиком, в своём горчичном свитере, и смотрела на противоположный берег. Он был там. Та же фигура, что и раньше, но теперь ближе. Я видела его силуэт отчётливее — высокий, сухощавый, с широкими плечами и узкими бёдрами. И рука, протянутая ко мне, была бледной, с длинными пальцами.

Я вошла в воду. Холод коснулся щиколоток, коленей, бёдер, но не обжигал, а обнимал, принимал в себя. Я шла медленно, чувствуя, как вода смыкается вокруг моего тела, как она поднимается к груди, к шее, к подбородку. А потом я поплыла, и это было странно, потому что я никогда не умела плавать во сне.

Когда я выбралась на противоположный берег, он стоял прямо передо мной. Протянутая рука — длинные пальцы, серебряный перстень на указательном, бледная кожа. Я подняла глаза. И увидела лицо.

Эдриан. Но не тот Эдриан, что сидел сейчас в кресле напротив меня. Этот был моложе — лет двадцати пяти, мо-

жет, двадцати семи. Одет не в рубашку с закатанными рукавами, а в старинный мундир — тёмно-синий, с серебряным шитьём, с эполетами на плечах. Волосы длиннее, собраны в низкий хвост. И глаза — те же, серебряные, с тёмным ободком, — смотрели на меня с такой любовью и с такой болью, что у меня перехватило дыхание.

— Катрин, — прошептал он. Не мне, а ей. Той, другой, чьё лицо было моим лицом, чьи глаза были моими глазами, чьё сердце билось в моей груди.

Я хотела ответить, но не успела, потому что видение разорвалось. Чёрная вода исчезла. Вместо неё — бальная зала, залитая светом сотен свечей. Пары кружатся в вальсе, дамы в пышных платьях, кавалеры в мундирах. И мы — он и я, — танцуем посреди этого сияющего водоворота. Его рука лежит на моей талии, моя ладонь — на его плече. Мы кружимся, кружимся, кружимся, и мир вокруг расплывается в золотое пятно.

А потом — выстрел.

Яркая вспышка. Кровь на снегу. И его лицо — белое, мёртвое, с остановившимися глазами. И мой собственный крик — не Лисы, а Катрин, — разрывающий зимнюю ночь.

Я вскрикнула. Уже в реальности. Уже в кресле, в кабинете, с открытыми глазами, из которых текли слёзы. Сердце колотилось так, словно готово было выпрыгнуть из груди. Лёгкие горели, горло сжимал спазм — предвестник панической атаки, который я знала слишком хорошо.

Я не могла дышать. Не могла пошевелиться. Перед глазами всё ещё стояла та зала, те свечи, та кровь на снегу. И его лицо — мёртвое, а потом снова живое, но уже другое, сегодняшнее, склонившееся надо мной с выражением, которого я никогда раньше не видела.

— Лиса. — Его голос прорвался сквозь пелену. — Лиса, вы меня слышите?

Я попыталась ответить и не смогла. Горло сжалось. Паника накатывала жаркими, удушающими волнами, и я судорожно хватала ртом воздух, но он не шёл. Мир начал сужаться до размеров игольного ушка. Я умираю, мелькнула мысль. Вот так глупо — в кабинете психотерапевта, от собственного сна, от собственного видения, от собственного...

И тогда он взял меня за руку.

Его пальцы сомкнулись вокруг моего запястья крепко, но не грубо, и я почувствовала холод. Но не тот холод, что был раньше, и не холод мёртвого тела. Другой холод — чистый, отрезвляющий, как ледяная вода, выплеснутая в лицо. Он прошёл от запястья вверх по руке, к плечу, к шее, к затылку, и паника отступила. Не ушла совсем, но отступила, словно зверь, которого ударили по носу.

Я сделала вдох. Настоящий, глубокий, полной грудью. Воздух пах сандалом и чем-то пряным. Его запах.

А потом пришло видение. Не сон — другое. Короткая, ослепительная вспышка, которая длилась долю секунды, но вместила в себя целую вечность.

Я увидела ночь. Зимнюю, морозную, с полной луной над заснеженным садом. Увидела особняк с колоннами — тот самый, из бальной сцены. Увидела мужчину в мундире — Эдриана, но живого, человеческого, с румянцем на щеках и кровью на губах. Он лежал на снегу, и снег вокруг него был красным. Над ним склонилась женщина, я не видела её лица, только затылок, тёмные волосы, собранные в высокую причёску. Она держала его голову на коленях и плакала, а потом подняла глаза, и это была я. Не Лиса, а Катрин. Женщина с моим лицом, с моими глазами, с моими веснушками на носу.

Видение погасло. Я моргнула и увидела перед собой Эдриана. Настоящего. Живого — в той мере, в какой он вообще мог быть живым. Он стоял на коленях перед моим креслом, сжимая мою ладонь в своих руках, и смотрел на меня так, словно увидел призрак.

— Вы видели? — прошептала я, и голос был хриплым, чужим.

Он не ответил, но я знала: видел. Всё, что видела я и, может быть, что-то ещё, чего я не поняла или не запомнила.

— Кто такая Катрин? — спросила я.

Его лицо дрогнуло. Всегда неподвижное, всегда контролируемое, оно вдруг утратило свою безупречную маску. На долю секунды я увидела под ней другое лицо — растерянное, испуганное, полное боли. Лицо человека, который потерял что-то очень давно и только что нашёл это снова.

— Я не знаю, — сказал он, и голос его был глухим, сдав-

ленным. — Клянусь вам, Лиса. Я не знаю.

— Но вы видели то, что видела я. Бальную залу. Выстрел. Женщину с моим лицом.

Он молчал. Его пальцы всё ещё сжимали мою ладонь, и я чувствовала их холод — теперь уже не отрезвляющий, а просто холодный. Холод мёртвой кожи. Холод того, кто не дышит, не спит, не отражается в зеркалах.

— Катрин умерла очень давно, — сказал он, наконец. — Это всё, что я помню.

— Но я видела её. Я была ею.

— Я не знаю, что это значит. — Он отпустил мою руку и поднялся.

Движения его были резкими, неуклюжими — не те плавные, текучие движения, к которым я привыкла, а дёрганные, почти человеческие. Он отошёл к окну и встал там спиной ко мне, глядя на серый ноябрьский город за стеклом.

— Возможно, ваш дар сильнее, чем я предполагал. Возможно, вы способны не только впитывать эмоции, но и считывать чужую память.

— Чужую? — Я поднялась с кресла, ноги держали плохо, но я всё равно встала. — Это была ваша память, Эдриан. Та ночь, особняк. Та женщина. Вы знали и любили её.

Он обернулся. Лицо снова было спокойным — маска вернулась на место. Только глаза оставались чёрными, и это пугало сильнее, чем всё остальное.

— На сегодня сеанс окончен, — сказал он, и голос его был

голосом врача, а не мужчины: холодным, профессиональным, отстранённым. — Я запишу вас на следующую неделю. Ирма согласует время.

— Эдриан...

— Всего доброго, Лиса.

Я стояла посреди кабинета и смотрела на Морро. Он смотрел на меня. Между нами было три метра ковра и много лет неразрешённой боли, и я не знала, как преодолеть ни то, ни другое.

— Хорошо, — выдохнула я, беря сумку. — Но я вернусь, потому что должна знать, что со мной происходит. И что произошло с вами.

Он ничего не ответил. Я вышла, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце всё ещё колотилось, но паника ушла. Вместо неё внутри разрасталось странное чувство. Не любопытство, а нечто большее.

Узнавание.

Словно часть меня, которая спала много лет, вдруг проснулась и заговорила на языке, которого я не знала, но понимала.

Я отлепилась от двери и пошла к выходу. Ирма проводила меня равнодушным взглядом. Лифт пришёл сразу, и я спустилась вниз, на улицу, под серое небо, в холодный ноябрьский день. Но холод больше не пугал меня. Я несла внутри себя что-то, что было теплее любого солнца.

Память о жизни, которой я не жила, и чужую любовь, ко-

торая длилась много лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.